

посадки на воду машина была оборудована баллонетами, размещенными на специальных рамах, которые крепились к осям колес передних и основных стоек шасси. Другой модификацией Ка-25 был Ка-25ПС — это целеуказатель ракетному оружию кораблей и береговых установок. Серийно Ка-25 строился в период 1965–1972 гг.

Таким образом, Улан-Удэнский авиационный завод № 99 внес достойный вклад в развитие вертолетостроения, поддержание высокой

Р.Е. РОМАНОВ

УСЛОВИЯ ТРУДА МОЛОДЫХ РАБОЧИХ ОБОРОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период ранней советской индустриальной модернизации (вторая четверть XX в.) одним из факторов социализации рабочей молодежи Сибири являлись условия труда в сфере крупного промышленного производства края. В годы войны его влияние на процесс профессиональной адаптации и самореализации юношей и девушек, занятых на заводах и фабриках региона, существенно возросло. Это связано с тем, что в 1941–1945 гг. большинство из них трудилось на более чем 70 предприятиях военно-промышленных наркоматов, преимущественно эвакуированных в города сибирского тыла из прифронтовой полосы. В связи с этим цель данного исследования заключается в выявлении условий производственной деятельности молодых рабочих оборонной индустрии края в первой половине 1940-х гг.

В военные годы в отрасли оборонно-промышленного комплекса Сибири, остро нуждавшиеся в привлечении трудовых ресурсов, поступили десятки тысяч новых работников, в основном из числа молодежи. Массовое включение юношей и девушек в формировавшиеся заводские коллективы заставляло их в той или иной степени адаптироваться к условиям индустриального труда. С первых дней войны одним из этих условий стало увеличение рабочего времени во всех отраслях промышленности. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. директора предприятий получили право устанавливать обязательные сверхурочные работы для всех трудящихся в возрасте от 16 лет и старше продолжительностью от одного до трех часов в день. В результате продолжительность рабочего дня официально увеличилась с 8 до 11 часов. Кроме того, отменялись очередные и дополнительные отпуска, заменявшиеся денежными компенсациями (*Людвиг тыла. (Документы, материалы газет и радио, дневники, письма, воспоминания военных лет)*. М.: Политиздат, 1970. С. 6).

В действительности длительность рабочего времени на оборонных предприятиях сибирского тыла, как правило, выходила за рамки формального права. В основном она зависела от объема работы, выполняемой заводом в соответствии с государственным планом по выпуску продукции для фронта. По воспоминаниям ветеранов новосибирского завода № 386 («Искра») юноши и девушки трудились каждый день по 12 часов и более («Долга на земле не имею». *Рассказывают ветераны // Букин С.С. Завод «Искра» в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001. С. 63*). Об этом свидетельствовал также ветеран омского завода № 174 Валерий Александрович Белов: «...нелегко было 14-летнему подростку трудиться наравне со взрослыми. Ведь работали всю войну по 12 часов в день, а по воскресеньям — по 18 часов, что было сделать пересменку» (*Обожгла наше детство война. Сб. воспоминаний детей военного времени. Омск: [б.и.], 2010. С. 31*). Следовательно, многочасовой труд на оборонных предприятиях занимал как минимум половину суточного времени, что являлось для юных тружеников тыла обыденной нормой их повседневной жизни.

Другой характерной чертой производственной повседневности рабочей молодежи военных заводов сибирского тыла являлся крайне неравномерный ритм ее трудовой деятельности. Данное явление было наиболее характерно для первого периода войны, когда многие предприятия работали не по строгому графику, а рывками. Медленная раскочка, типичная для начала месяца, к наступлению его последней декады превращалась в «штурмовщину», нацеленную на выполнение плана любой ценой. Нередко она вызывалась простоями из-за несвоевременного поступления сырья, отключения электроэнергии, поломки оборудования и т.д. Простои приводили к срыву производственной программы, что заставляло молодых тружеников военного производства переходить на казарменное положение и работать ударными темпами, не считаясь с естественными возможностями своего организма. Например, в конце 1942 г. на одном из заводов Тюмени рабочие-комсомольцы Величков, Череночкин, Полехин, Харин, Кисленок в течение шести дней не уходили из цеха. Их трудовой «порыв» обуславливался необходимостью выпуска продукции в соответствии с установленным планом, который в итоге был выполнен на 100,7% (*РГАСПИ, ф.М-1, оп. 8, д. 60, л. 59*).

При изучении условий труда молодых рабочих следует также учитывать и негативное влияние техногенной среды военных заводов, наносившей вред их здоровью. В конце 1941–первом полугодии 1942 г. налаживание массового производства продукции для фронта на многих оборонных предприятиях Сибири осуществлялось без проведения системных мероприятий по охране труда. Характеристиками внутриводской обстановки являлись теснота и слабая освещенность, недостаточная механизация трудоемких операций, загрязненность отходами и

загазованность цехов, высокая пожаро- и взрывоопасность атмосферы рабочих помещений, низкая технологическая дисциплина трудящихся. В частности значительная угроза здоровью юношей и девушек исходила от неимоверно тяжелой работы, которую они выполняли вручную. В качестве иллюстрации можно привести воспоминания ветерана сибирского тыла Николая Тутова, трудившегося раскатчиком на производстве гильз для артиллерийских снарядов. «Я стою к станку спиной, у ног на полу — похожая на кусок шпалы чурка. На ней стоит отполированный до блеска стальной толстостенный цилиндр. Заготовку гильзы я вкладываю в этот, как мы называли, стакан. Вес этой собранной «игрушки» примерно сорок килограммов. Чуть наклонив, я подхватываю ее руками, как ребенка, почти до уровня груди, быстро (а как иначе, тяжесть!) поворачиваюсь к станку и ловко вставляю «игрушку» в шпиндель станка. Закрепляю. Ввожу в полость гильзы длинный стержень-штангу со специальным роликом на конце. Вот он-то при большой скорости вращения станка и раскатывает «сырые» двух-, трехслойные стенки гильзы в единый прочный стальной корпус. Это длится минуты две — три. А пока станок вращается, я иду к прессу, беру, сколько руки обхватят, заготовок и, прижав к груди, тащу к своему станку. Я вколачиваю очередную заготовку в стальной стакан (у меня их два в обороте). Раскатка предыдущей гильзы закончена, я вытаскиваю тяжелую «игрушку» из станка и так же ловко, как три минуты назад, освобождаю из станка готовую, еще теплую гильзу. Больше сотни раз за смену делаешь эту процедуру. Помню, моя голубая рубашка побелела от соленого пота...» (*Сибирские страницы Великой Отечественной. Новосибирск: ОАО «Новосибирский полиграфкомбинат», 2005. С. 206–207*). Данный пример ярко свидетельствует о том, сколько колоссальных физических усилий порой требовалось приложить юному труженику для того, чтобы успешно выполнить производственное задание.

Начиная с 1943 г., в связи с окончательным становлением массового производства вооружения и боеприпасов, высшие органы государственной власти приняли ряд мер по некоторому смягчению режима и условий труда промышленных рабочих. Во второй период войны труженикам тыла стали предоставляться два выходных дня в месяц. Особое внимание уделялось нормативной регламентации рабочего времени подростков. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1943 г. администрациям заводов запрещалось использовать на сверхурочных работах молодежь до 16 лет (*Букин С.С. Указ. соч. С. 42*). Руководствуясь этим нормативным актом, партийные комитеты отдельных оборонных предприятий Сибири добились сокращения рабочего дня подростков с 12 до 6–8 часов. Другой важнейшей законодательной инициативой в сфере трудовых отношений стало постановление СНК СССР «О предоставлении в военное время подросткам моложе 16 лет еженедельного дня отдыха и отпусков» от 5 марта 1944 г., закрепившее за подростками

право на еженедельный день отдыха и очередные отпуска продолжительностью 12 рабочих дней (*Подвиг тыла. С. 230*). В соответствии с ним летом 1944 г. отпуск получили около половины работников в возрасте до 16 лет, трудившихся на предприятиях Новосибирской области (*ГАНУ, ф. П-190, оп. 2, д. 810, л. 61; д. 814, л. 136*).

В то же время директора, начальники цехов, мастера смен заводов и фабрик часто нарушали правовые нормы, существенно ограничивавшие рабочее время подростков. В 1944 г. по итогам проверки оборонных предприятий Красноярска бригадами горкома ВЛКСМ было установлено, что начальники цехов регулярно заставляли молодых рабочих трудиться в ночное время. При этом заводские комитеты комсомола не предпринимали никаких действий для оптимизации режима производственной деятельности подростков, а, напротив, поддерживали заводское начальство в его желании выполнить план любой ценой (*ГАКК, ф. П-1474, оп. 3, д. 675, л. 37*).

Во многих случаях подобное отношение со стороны руководителей военно-промышленного производства сложилось не только к вопросу о сокращении продолжительности смены, но и к охране труда юношей и девушек. В 1944 г. инструктор отдела промышленности боеприпасов новосибирского обкома ВКП(б) Горлов отметил многочисленные случаи нарушения норм промышленной санитарии на крупных предприятиях города, приводившие к травматизму среди трудящихся. В частности, на комбинате № 179 из-за захламленности цехов отходами порезы рук и ног металлической стружкой составляли 60% всех травм, полученных молодыми рабочими (*ГАНУ, ф. П-4, оп. 34, д. 187, л. 90*). В одном из цехов завода № 590 из-за отсутствия вытяжной вентиляции пары от использовавшихся в производстве кислот отравляли воздух в рабочих помещениях, а в другом — интенсивная работа гидравлических прессов приводила к резкому повышению его температуры. В некоторых цехах трудящиеся (прежде всего, девушки) не были обеспечены табуретками для сидения во время работы. Вместо них работницы использовали ящики, которые при поломке приводили к их падению на пол и получению ушибов. Оставалась нерешенной на ряде предприятий Сибири и проблема механизации тяжелых работ. Их выполнение вручную нередко приводило к возникновению у юношей и девушек серьезных заболеваний, вызывавших частичную или полную утрату трудоспособности. Такая беда постигла молодую работницу Мензерову красноярского завода «Красный Профинтерн», надорвавшуюся во время перемещения 14-тикилограммовых катков. Однако начальник цеха Гришин, зная о ее положении, отказался перевести девушку на более легкую работу (*ГАКК, ф. П-1474, оп. 3, д. 675, л. 34*). Данный пример ярко демонстрировал безразличное отношение некоторых заводских руководителей к проблеме техногенного влияния военного производства на физическое состояние и здоровье рабочей молодежи.

Тем не менее, в последние два года войны региональные и местные партийные комитеты Сибири стали уделять больше внимания улучшению условий труда промышленных рабочих. В сентябре 1943 г. по инициативе Новосибирского горкома ВКП(б) состоялась конференция по организации поточного производства, в которой участвовали главные инженеры, технологи, начальники цехов, секретари партийных организаций. Ее итогом стала разработка и проведение на предприятиях мероприятий по усовершенствованию технологий и организации потоков, механизации наиболее трудоемких операций. В 1943-1944 гг. на заводе им. Чкалова были внедрены 30 поточных линий, снизивших трудоемкость выпуска изделий на 32% (ГАНУ, ф. П-4, оп. 34, д. 187, л. 90). В частности, после перевода на поток производства фюзеляжей трубчатой конструкции производительность труда рабочих выросла в два раза. Одновременно сотни станков были оборудованы специальными приемными и загрузочными столами, пневмоцилиндрами. Только на комбинате № 179 использовались 300 пневматических подъемников со специальными захватами и самозажимными клещами, облегчавших выполнение операций по обработке тяжелых деталей (РГАЭ, ф. Р-7516, оп. 1, д. 1396, л. 103). Данные меры помогали снизить трудоемкость изготовления изделий путем уменьшения объема ручной работы и ее существенного облегчения.

Одновременно на отдельных предприятиях проводились мероприятия по защите трудящихся от вредного воздействия техногенной среды, нацеленные на снижение количества случаев производственного травматизма. В 1943 г. в цехах завода № 703 г. Красноярска произошло 377 несчастных случаев, в 1944 г. — 371, что было обусловлено, прежде всего, низким уровнем технологической дисциплины рабочих. По данным на 1944 г. около 44% несчастных случаев, произошедших на заводе № 703, являлись следствием несоблюдения техники безопасности со стороны работников, 14,6% случаев — отсутствия или недостаточного их инструктажа со стороны технологов (ГАКК, ф. Р-2094, оп. 2, д. 313, л. 105; д. 315, л. 174). Около половины всех производственных травм составляли ушибы (46,6%), связанные с быстрыми и неосторожными действиями молодых рабочих при выполнении операций, переноске изделий и т.д. Порезы рук (23,4%) и засорение глаз (20,8%), занимавшие соответственно второе и третье место, происходили из-за металлической стружки, возникавшей при заточке деталей на станках. Ожоги (9,2%) часто были обусловлены эксплуатацией сварочных аппаратов без использования защитных очков. Кроме того, в антикоррозийном цехе предприятия существовала большая опасность отравления работников парами бензола при обработке корпусов изделий специальным лаком. Для профилактики травматизма среди рабочих были вывешены около сотни предупредительных плакатов, проведен инструктаж по технике безопасности, выдана спецодежда, установлены ограждения, экраны и щитки,

обеспечивавшие безопасность труда на станках. В частности установка защитных экранов привела к снижению случаев засорения стружкой и ожогов глаз, а использование в антикоррозийном цехе вентиляционной установки способствовало отведению паров бензола от рабочих мест (ГАКК, ф. Р-2094, оп. 2, д. 313, л. 176–177). В целом подобные меры, проводившиеся и на других предприятиях, способствовали некоторому улучшению условий производственной деятельности молодых рабочих.

Таким образом, в военные годы одним из важнейших факторов профессиональной социализации рабочей молодежи оборонной промышленности Сибири являлись тяжелые условия индустриального труда: продолжительный и ненормированный рабочий день, неравномерный ритм производственной деятельности, опасная техногенная среда. В совокупности они оказывали преимущественно негативное влияние на процесс включения юношей и девушек в трудовые коллективы военных заводов. В то же время на ряде предприятий региона предпринимались небезуспешные попытки смягчить вредное воздействие техногенных факторов на здоровье юных тружеников за счет мероприятий по сокращению и регламентации рабочего времени подростков и обеспечению охраны труда.

М.С. СИЗОВА

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ЗАГОТОВКИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (1941–1947 гг.)

В 1940-х гг. в условиях карточной системы распределение продуктов питания и промышленных товаров было жестко ограничено, их можно было приобретать в пределах строго установленных норм. Однако обеспечить по ним снабжение населения было крайне трудно. Установленные нормы снабжения не отвечали полностью потребностям жителей регионов. Это было связано с тем, что товары никогда полностью не поступали. Причины были разные: транспортные трудности, отсутствие тары, а чаще всего, и самих товаров на складах в местах отправки. Особенно это имело отношение к поставкам в северные районы региона. Местные органы власти искали дополнительные источники продовольствия, одним из которых был сбор и заготовка ягод, орехов, грибов и дикорастущей зелени.

Сбор и заготовка грибов, орехов, ягод и дикорастущей зелени, таких как щавель, дикий лук, ревень, черемша и др. были направлены на восполнение недостающих в продуктах питания витаминов в годы Отечественной войны. В 1942 г. по СССР было заготовлено 30 тыс. т дикорастущих плодов и ягод, в 1943 г. — 41 тыс. т, не считая собранных десятков тысяч тонн дикорастущей зелени (*Советская экономика в период Великой*